

Я. Крамаржик

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ В СВЯЗИ С ДИСКУССИЕЙ
ПО АГРАРНОЙ ЭТНОГРАФИИ**

Дискуссия по некоторым вопросам аграрной этнографии, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» после публикации статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова¹, получила отклики не только среди советских этнографов, но и у целого ряда зарубежных — особенно в славянских странах — ученых. Так, в моем сообщении об этой дискуссии, опубликованном в журнале «Narodopisné aktuáľity» («Новости этнографии»), были затронуты важнейшие теоретические проблемы, поднятые во вступительной и других дискуссионных статьях². В предлагаемой статье я хочу высказать свое мнение по ряду спорных вопросов.

Начну со вступительной статьи и вызванной ею дискуссии. Должен подчеркнуть, что статья Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова выдвинула ряд вопросов, которые обычно остаются в стороне при изучении агроэтнографической проблематики, но имеют важное значение, так как затрагивают суть исследований в этой области. Статья демонстрирует широкие и глубокие познания авторов, особенно в вопросах обработки почвы, а также по некоторым другим проблемам. Однако хотелось бы, чтобы авторы более подробно осветили круг обсуждаемых вопросов (в особенности это касается так называемых культурных и этнических традиций, их разграничений и различий) и чтобы формулировки в тексте не были такими краткими. В некоторых случаях они слишком категоричны, что вызвало ряд критических замечаний, более или менее обоснованных. В целом дискуссия оказалась весьма полезной, так как вновь пробудила интерес к рассматриваемой проблеме.

Участники дискуссии (в том числе и автор настоящей работы) откликнулись не только на статью, с которой она началась, но и на другие работы Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова по данному вопросу³. Таким

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3; Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», «Сов. этнография», 1967, № 6; А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (К дискуссии об агроэтнографии), «Сов. этнография», 1968, № 6; В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, «Сов. этнография», 1971, № 3; А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, «Сов. этнография», 1971, № 5.

² J. Kramářik, Sovětská diskuse o základních otázkách agrární etnografie, «Národopisné aktuáľity», 1972, № 9, str. 3—16, 197—199.

³ Я особенно живо реагировал на статью Ю. Ф. Новикова «Генезис плуга и этнография» («Сов. этнография», 1963, № 2), в которой автор нередко весьма одностронне отрицал связь типов и форм пахотных орудий с этносом, с этническими традициями и дошел до ряда обобщений, которые весьма трудно принять. Например, он утверждал, что иммигранты, переселившись в другие районы, сразу же приспосабливаются к новым условиям и используют местные пахотные орудия. Несогласие с мнением Ю. Ф. Новикова выразила в своей статье и Л. М. Сабурова.

образом, дискуссия переросла границы первоначально обсуждавшейся проблемы, охватив и те области, которые названные выше авторы затронули лишь косвенно.

Я хотел бы затронуть еще одну проблему. Громов и Новиков сосредоточили свое внимание прежде всего на пахотных орудиях, занимающих в некотором смысле особое место в комплексе земледельческих орудий, но при их изучении сделали слишком общие выводы, перенесли их и на другие орудия. Необходимо подчеркнуть, что пахотное орудие было сложным, на него оказывал влияние уровень производственной техники в гораздо большей мере, чем на остальные земледельческие орудия. Поэтому и существует столько видов, типов и форм пахотных орудий; этим вызван и особый научный интерес к ним, и появление в этнографии особой области исследований, которой немцы дали специальное название «Pflugforschung». Это богатство видов и послужило толчком для появления разнообразнейших теорий, речь о которых пойдет ниже.

Авторы статьи совершенно правильно отличают сельскохозяйственную технику от технологии. Не понятно только, почему они в таком случае отождествляют технологию с формой, а технику — с содержанием. Авторы весьма наглядно показали не только то, как конструкция орудия связана с географическими условиями, но и насколько близка и всесторонняя ее связь с различными системами земледелия. Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков выступают против деления составных частей орудия на функциональные и нефункциональные, подчеркивая значение типа упряжки в пахотных орудиях. Все это, конечно, вполне справедливо, так как конструкция пахотного орудия составляет единое целое, в котором все детали взаимосвязаны и целесообразны как сами по себе, так и в связи с другими составными частями. Однако возникает вопрос: одинаково ли важны, с точки зрения развития пахотного орудия, все его составные части, и если нет, то развитие каких из них приводит к качественным изменениям? Переход к железному и асимметричному лемеху, конечно, имел первостепенное и более важное значение, чем изменение форм рукояток, хотя рукоятка вместе с развитием лемеха также изменялась. Перекладной отвал мы находим уже у пахотных орудий с симметричным лемехом, но односторонний в сочетании с асимметричным лемехом означал превращение рала в плуг. Подобным же образом обстоит дело и с ножом. Не менее важной, основной составной частью можно назвать грядиль (длинный или короткий) в сочетании с типом упряжки животных. Авторы абсолютно правы, рассматривая переход к тягловым орудиям как революционное изменение по сравнению с использованием ручными орудиями, однако они не обращают достаточного внимания на ту роль, которую играет переход от парной запряжки к одиночной, т. е. от так называемой старинной к современной, когда запряжка в хомут сыграла такую большую роль, что ее по праву можно считать революционной.

Эти недостатки статьи, хотя авторы и правильно понимают тесную сопряженность конструкции пахотных орудий с их отдельными составными частями, по моему мнению, оказали отрицательное влияние на оценку существующих классификаций подобного рода орудий. Авторы указывают на формализм прежних классификаций, но я полагаю, что они слишком упрощают предшествующие работы советских исследователей. Можно также убедительно показать, что Громов и Новиков включают в критикуемые ими классификации исследования зарубежных ученых, которые, опираясь на знание технологии пахоты и пахотных орудий, пытаются измерить различные индексы производительности орудий. Так, авторы ссылаются на работу Ф. Шаха⁴. В своем труде он весьма

⁴ F. Šach, *Soustava oradel Starého světa a zařazení nářadí z území Československa*, Praha, 1963.

подробно остановился на функции отдельных видов, типов и форм пахотных орудий и их составных частей. Эти наблюдения Ф. Шах более подробно осветил в других своих исследованиях⁵, а в опубликованной недавно статье⁶ сообщил о результатах испытаний различных видов и типов чешских пахотных орудий. Правда, об этих последних работах Ф. Шаха Громов и Новиков могли и не знать, однако уже в первом из названных выше трудов приводятся выводы его экспериментов, которые несомненно говорят о его хорошем знании агротехники.

Югославский ученый Б. Братанич в свою последнюю классификацию, созданную для «Этнографического атласа Европы и прилегающих к ней областей», стремился включить все возможные формы составных частей пахотных орудий с тем, чтобы исследователи могли уяснить себе их взаимосвязь. Эту классификацию он назвал эвристической. Из истории изучения пахотных орудий в прошлом и в настоящем мы могли бы привести примеры многих классификаций, в которых так или иначе выражалось стремление к более совершенной систематизации. И все же мне кажется, что даже самая лучшая классификация не охватывает всего богатства и разнородности орудий, созданных на протяжении веков в различных районах земного шара. Классификация всегда остается лишь вспомогательным инструментом исследований, не говоря уже о невозможности выражения ею всей сложности исторического развития пахотных орудий. Кроме того, следует заметить, что, хотя по мере развития исследований и был придуман целый ряд оригинальных типологических классификаций, они лишь в сравнительно небольшом масштабе нашли применение при изучении определенной области или этноса, особенно в этнографии, где главным образом изучается связь отдельных типов пахотных орудий с этническими общностями.

Прежде чем приступить к рассмотрению этой связи мы вынуждены констатировать, что провозглашенная авторами корреляция между географической средой и системами земледелия, с одной стороны, и конструкцией пахотных орудий, — с другой, хотя и существует, однако носит весьма общий характер. Ведь нередко мы встречаем одно и то же пахотное орудие в совершенно различных географических условиях и, наоборот, в одинаковой природной среде — различные виды орудий. Значительно сложнее обстоит дело с технологией земледелия, и в этом отношении Громов и Новиков во многом правы. Нельзя, однако, и тут исключить влияние этнических процессов, как и местных производственных традиций.

Человек и общество, производя орудия, действовали, конечно, разумно. В этом смысле в каждом орудии производства по-своему выражено рациональное отношение человека к природе, которую он хочет подчинить себе. Иными словами, существуют культурные традиции, как их называли Громов и Новиков, но наряду с ними и местные, так называемые этнические традиции, придающие орудию свою специфику и опирающиеся также на конкретную разумную основу. Подобным образом формулирует свой взгляд А. А. Шенников, утверждая, что каждая этническая традиция является одновременно традицией культурной, но не каждая традиция культурная — традицией этнической.

Я далек от того, чтобы в данный момент защищать точку зрения, которая тот или иной признак, ту или иную характерную составную часть земледельческого орудия приписывала бы определенному племени или этносу, как это делал Б. Браунгарт, а до него и после него целый ряд ученых, концепции которых нередко имели националистический харак-

⁵ F. Šach, *Rádlo a pluh na území Československa*, Praha, 1961; его же, *Proposal for the classification of pre-industrial tilling implements*, Praha, 1966.

⁶ F. Šach, *Übersicht über die Entwicklung der Bodenbearbeitung in Böhmen und Mähren*, «Getreidebau in Ost- und Mitteleuropa», Budapest, 1972, S. 375—409.

тер. Этим в большинстве своем априорно построенным концепциям уже давно не должно быть места в подлинной науке. Тем не менее связь определенных видов, типов и форм орудий с этносом неоспорима, хотя их общее происхождение с ним вовсе не обязательно. Территориальное распространение и дифференциация определенных орудий, их видов, типов и форм в большинстве своем результат весьма сложного исторического процесса, который очень трудно восстановить на основе современных данных. Поэтому общие схематические классификации могут иметь лишь вспомогательное значение.

Приведу несколько примеров, которые покажут, как авторы освещают те или иные аспекты поставленной проблемы. Например, Громов и Новиков очень хорошо показали, что форма грядиля не случайна, что она тесно связана со всей конструкцией пахотного орудия, с остальными его составными частями. При этом, конечно, важен с точки зрения изучения истории пахоты и видов упряжки ответ еще на один вопрос: какова была длина грядиля (короткого), т. е. доходил ли он до ярма или нет? Но не следовало ли учитывать и другие моменты при изучении вопроса о форме грядиля? Авторы совершенно правильно указывали на важность исследования материала, из которого изготовлено пахотное орудие. Но почему именно изогнутый грядиль характерен для Средиземноморья, как на это указал П. Лезер в своем труде?⁷ Исследователь может не согласиться с теоретической основой этой работы и многими выводами, которые делает Лезер, но упомянутый факт отрицать нельзя. Поэтому Х. Вакарельски не допустил никакой ошибки в своем труде о болгарских пахотных орудиях, оценив форму грядиля с этнографической точки зрения как важный разделительный признак и показав, что в Болгарии существуют два различных названия для ровного и изогнутого грядиля⁸. Можно ли в таком случае говорить только о связи с географическими условиями или конструкцией пахотного орудия? Ведь болгарский автор как раз и показывает, что одинаковые типы орудий встречаются в различных почвенно-географических условиях и что важную роль играют этнические процессы, происходившие на Балканском полуострове.

А какую связь с природными условиями имеют кривогрядильный наколесник юго-запада Чехии, а также рало с подошвой и наклонно поставленным на подошву наральником, верхняя часть которого соединена с деревянной рукоятью, переходящей через грядиль, распространенное в гористой части Шумавы и на равнинах чешского юга к западу от р. Влтавы? Связан ли он генетически с «доберготским» ралом, славянское происхождение которого, по-видимому, было доказано в последние годы, или с его развитой формой — «мекленбургским» или «средиземноморским» ралами? Почему ему сопутствовали и некоторые другие специфические явления юго-запада Чехии и почему это рало не распространялось за пределы правого берега среднего течения Влтавы? Если этой прямой связи не существует, то связано ли происхождение рала с каким-либо племенем, этнической группой, производственной традицией и т. д.? Почему в северной части чешских земель в различных почвенно-географических условиях появляется так называемое трутновское рало без полоза, у которого вместо колесного передка была раньше подпорка типа башмака на нижнем конце, известная в качестве составной части рала только в северо-западной Европе? На все эти вопросы нелегко ответить. Они подтверждают только тот факт, что каждое пахотное орудие имело весьма сложную историю, на что, ссылаясь на Н. И. Вавилова, указал в своей статье В. М. Суринов.

⁷ P. Leser, Entstehung und Verbreitung des Pfluges, Münster i. W., 1933.

⁸ Ch. Vakarelski, Traditionelle landwirtschaftliche Geräte der Bulgaren, «Getreidebau in Ost- und Mitteleuropa», Budapest, 1972, S. 339—374.

Говоря об упомянутом выше «трутновском» рале, называемом также «чешско-моравским», «силезским», «кравевоградецким» и т. д., я хотел бы напомнить о том, что справедливо отмечали Громов и Новиков и что имеет методическое значение для изучения истории пахотных и не только пахотных орудий. У этого рала развитая конструкция. Однако в ареале его распространения появляются орудия с конструкцией подобного типа, но намного более простого устройства. Поэтому некоторые исследователи считали их более древними типологическими предшественниками современных или сохранившихся до недавнего времени орудий. Между прочим, они ссылались на изображение этого рала в труде И. Мелера конца XVIII в.⁹ На рисунке отсутствует поворотное устройство, имеющееся у более поздних орудий рального типа. Тем не менее изображение Мелера представляет более развитое орудие в сравнении с тем, которым до недавнего времени пользовались некоторые крестьяне северо-восточной Чехии. Однако необходимо иметь в виду, что речь шла о крестьянах-бедняках, живших в своем большинстве в горных районах. И наоборот, нам кажется, что эти формы, связанные с определенным социальным слоем населения, были поздним заимствованием. Отсюда можно сделать вывод, что просто эволюционная или, точнее, эволюционистская интерпретация не обязательно будет соответствовать реальному ходу исторического развития орудия и что в некоторых случаях она может завуалировать вопрос о его возникновении.

На чешском материале, а также материале по другим районам мы могли бы привести много примеров подобных сложных проблем. Я совершенно согласен с мнением Громова и Новикова о связи сох, орудий рального типа с подошвой или плугов с географическими условиями, особенно в применении к системам земледелия в России. Но как можно объяснить появление рала без подошвы в плодородных районах средней и северной Чехии, а орудий рального типа с подошвой, рала на колесах и четырехугольного, так называемого чешского рала в каменистых, менее урожайных районах чешского юга? Я, однако, не ставлю этот вопрос однозначно, так как еще в XIX в. эти рала использовались в хлебопашестве там, где не мог найти применения старый грядильный деревянный плуг в качестве универсального орудия, т. е. в высокорасположенных районах, тогда как в областях, расположенных ниже, эти рала использовались для специальных работ, прежде всего при запашке семян, а позднее всюду при окучивании картофеля.

Следующая проблема, на которой нужно остановиться, это вопрос о сохранении старых пахотных орудий в связи с внедрением новых культур, характерных для капиталистического земледелия, на что правильно указывают авторы вступительной статьи. Я остановлюсь на условиях, сложившихся в Чехии. В связи с необходимостью улучшить обработку земли в Чехии простой крестьянин и деревенский кузнец — двоюродные братья Веверковы — изобрели рухадло на основе собственного опыта, вероятно, под влиянием вышеупомянутого трутновского рала. По сравнению со старинным плугом рухадло имело ряд преимуществ. Старинные деревянные рала стали использоваться теперь прежде всего для обработки почвы, в целях внедрения новых культур, для запашки и копки картофеля, причем они подверглись некоторым изменениям. Применение так называемого чешского рала четырехугольной конструкции для этих целей было удобно и способствовало созданию по его образцу орудия, распространившегося позднее по всем чешским землям наряду с видоизмененными более старыми типами рала. Влияние социально-экономического фактора и новой системы возделывания культур многопольного севооборота, системы, в которой пропашные культуры играли важную роль, здесь совершенно очевидно. Интересно, что совершенство-

⁹ J. Mehler, Erste Sammlung der böhmischen Ackergeräte, Dresden, 1794.

ванные старые местные рала в течение XIX в. в связи с культивированием пропадных культур проникли и в те районы, где раньше был известен только плуг. Во время полевых исследований я выяснил, что составные части рал в этих новых районах называются так же, как и части плуга. Таким образом, лингвистический материал мы можем использовать при изучении истории пахотных орудий. Да и вообще лексика очень важна при изучении истории пахотных орудий и может нам многое подсказать как в отношении первоначальной функции и форм орудий, так и в области их генезиса.

Советскому читателю будет интересно узнать, что название «Socha» характерно также и для чешской терминологии, связанной с пахотой. Однако сохой в южной части чешских земель называется не все орудие, а лишь рукоять подошвенного рала. Этот термин, как известно, обозначал раньше разветвленное дерево, вообще какую-то развилку. Название «соха» в русском языке совершенно точно определяет это орудие, менее понятно оно в применении к рукоятке чешских подошвенных рал. Рассмотрев некоторые данные, мы, однако, пришли к выводу, что рукоятка, очевидно, первоначально имела эту развилку, позднее же она исчезла. Характерно, что то же самое произошло и с подошвенными ралами, которые сохранили старые названия составных частей, что указывает на их древнее происхождение. Но и эти рала позднее на пахоте, при работе на более тяжелых почвах оснащались двумя рукоятками, как и плуг. Этот термин нередко сохранялся во множественном числе. Кроме того, под влиянием терминологии, принятой для составных частей плуга, употреблялось название «клещи», соответствующее прогнутым рукояткам.

Влияние грядильного плуга на развитие рал в чешских землях представляет собой один из интересных, но, к сожалению, малоизученных вопросов. Усовершенствованный плуг такого типа, снабженный отвалом и колесами, очевидно, начиная с периода позднего средневековья очень быстро распространился во всех чешских землях. Его рисунок в кодексе Яна из Энштейна (конец XIV в.) — одно из лучших в Европе иконографических изображений этого орудия — указывает на почти полное совпадение с экземплярами, характерными для XIX столетия. Тенденции к асимметричной пахоте, однако, намного старше и относятся по крайней мере к эпохе Великоморавского княжества. Характерен тот факт, что на территории этого княжества в юго-восточной Моравии, где имеются свидетельства существования славянских асимметричных небольших рал, в этнографическом материале не было обнаружено старых деревянных рал. И в этом случае, безусловно, речь идет о соотношении географических связей и культурных традиций не только в том смысле, как их понимали авторы вступительной статьи, но и в более широком, так как не следует забывать, что область юго-восточной Моравии была в то же время политическим и культурным центром Великоморавского княжества.

Но я не хотел бы ограничиваться лишь вопросом, связанным с пахотными орудиями. В статье Громова и Новикова, как и в других дискуссионных статьях, подняты многие не менее важные проблемы, в частности вопрос о разделении традиций на культурные и этнические, ставший главным предметом критики почти всех авторов, участвовавших в дискуссии.

Громов и Новиков выступают против того, что в некоторых работах (особенно в тех, где классификация пахотных орудий, по мнению авторов, страдает формализмом) сельскохозяйственные орудия ставятся в один ряд с местным типом керамики, с характером орнамента на одежде и такими явлениями, как обрядность, фольклор и пр. При этом, по мнению Громова и Новикова, авторы подобных работ осознают шаткость своих взглядов и поэтому пытаются выделить в конструкции, например

земледельческой или бытовой постройки, функциональные и нефункциональные части. Первые объявляются вполне рациональными, а вторые — носителями «чисто этнических» особенностей. По мнению авторов вступительной статьи, такое понимание техники земледелия, т. е. дифференциация ее составных частей на функциональные и нефункциональные, ошибочно.

В конце статьи, после анализа всех факторов (социально-экономические условия; природная среда, особенно климат; возделываемые культуры; система земледелия), влиявших на развитие техники земледелия и технологии, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков отмечают, что наиболее важным из них была система земледелия. Все эти факторы порождают традиции, которые следует называть не этническими, а культурными, и они являются формой закрепления рациональной практической деятельности человека, определенной группы населения.

Замечание Громова и Новикова о том, что техника земледелия ставится в один ряд с другими культурными явлениями, особенно с народным искусством, обычаями и фольклором, можно считать в какой-то степени обоснованным, но в то же время и не очень конкретным. Авторы в общей форме упоминают о работах некоторых советских исследователей, включая П. И. Кушнера, стремившегося анализировать отдельные культурные явления как раз с учетом этнической специфики. В этой работе П. И. Кушнер говорит о том, что «формы жилища, планировка жилых и подсобных помещений, внутреннее убранство домов, хозяйственная утварь, одежда, кулинария» сохраняют этнический колорит, тогда как обнаружить этнические различия в социальной области гораздо труднее, как и в большинстве явлений духовной культуры¹⁰. Можно, конечно, спорить с Кушнером, но он не ставит в один ряд технику земледелия с явлениями, перечисленными Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым. В этой связи Л. М. Сабурова в своей статье — отклике на дискуссию указала на другую высказанную Кушнером мысль о том, что не содержание, а форма культуры сохраняет этнические, национальные или народные черты. Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов вновь подчеркнули, что проблема культурных и этнических традиций весьма сложна и что социально-экономический и экологический аспекты не обязательно будут входить в противоречие с этнической принадлежностью определенных явлений исторического процесса, с этническими традициями, точнее, обе эти традиции или стороны процесса могут иметь много точек соприкосновения и перемешаться.

Оба приведенных соображения, затрагивающих проблематику традиций, важны с теоретической точки зрения. К сожалению, в настоящее время этим мало занимаются. Возьмем, к примеру, тезис Кушнера о том, что не содержание, а форма культуры сохраняет этнические черты, специфику, традиции. Мы часто говорим, что наша культура — социалистическая по содержанию и национальная по форме. Но разве мы, этнографы, не обязаны и не призваны показать, как этот общий тезис распространяется на отдельные области изучаемых явлений в различных социально-экономических формациях, которые пережил этнос? А что такое вообще содержание и форма культурных явлений в отдельных случаях? Этот вопрос может показаться некоторым исследователям второстепенным, излишним, его разрешение — уведящим нас в сторону. Но если мы не хотим стать на платформу структуралистских дедукций или иных подобных концепций, нам придется его решать. При этом необходимо постоянно сочетать аналитические и синтетические исследования.

Замечание, высказанное Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым, во многом перекликается с соображениями А. А. Шенникова, который пи-

¹⁰ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы. М., 1951, стр. 9.

сал, что каждая этническая традиция является традицией культурной, в то время как не каждую культурную традицию можно считать этнической. В этой связи необходимо подчеркнуть значение сравнительного изучения данной проблемы, так как в противном случае понятие этнической традиции может стать не только ограниченным, но даже приблизиться к националистическому пониманию.

Вопрос о том, что действительно является этнической традицией, трудно разрешим. На данной ступени знаний в отдельных случаях дать ответ на него почти невозможно. Сама традиция — это неотъемлемый атрибут культуры, атрибут противоречивый, содержащий, с одной стороны, элементы прогресса, а с другой — элементы регрессивные, элементы рациональные и иррациональные, элементы, сохраняемые современными формами общества, и такие, которые несут в себе зародыш собственной гибели в связи с развитием производительных сил и производственных отношений. Культурные традиции мы встречаем уже на самых низких ступенях развития общества; помимо вышеперечисленных противоречий, они содержат в себе еще одно противоречие: между общим — тем, что свойственно всему человечеству, и специфическим — тем, что характерно для того или иного первобытного коллектива и зависит от природных условий, весьма сильно влияющих на него на этих ступенях развития, особенно в сфере производства. Но на начальных ступенях развития человеческого общества было еще много неясного, что люди стремились, но не могли объяснить. При этом они старались воздействовать на непознанное. Так возникла целая область духовных явлений, которые мы называем поверьями, обычаями, магией, религией, имеющая в свою очередь как общий, так и специфический характер. Эти явления на ранних ступенях развития общества тесно связаны с собирательством и охотой, а затем с земледельческим производством. Они постепенно набирают силу, становятся общественно-культурными ценностями и препятствуют эмпирическому познанию и прогрессу мышления. Натуральный характер хозяйства и изолированность лишь укрепляют этот консервативный элемент. Нетрудно включить производственные традиции в область так называемых культурных, а непроизводственные, духовные — в сферу этнических традиций. Но характеризуют ли этнос, его специфику лишь непроизводственные традиции, менее рациональные или иррациональные? ¹⁴ Конечно, нет. В эпоху натурального хозяйства, экономической и культурной раздробленности своеобразия культуры складывалось не только в непроизводственной, но и в значительной мере в производственной сфере. Одни из этих особенностей непосредственно относятся только к одному этносу, другие — к нескольким, но внутри одного этноса в процессе его развития может наблюдаться локальная дифференциация культуры. А традиции, возникшие на базе натурального хозяйства, этнос или его часть продолжают сохранять и при переселении в новые районы. В том, что эти традиции являются не только непроизводственными, нас убеждает римская колонизация, переселение славянских, германских и других народов, происходившее в первые века нашей эры, а также современные миграции отдельных групп населения, осваивающих новые районы. Правда, далеко не все элементы материальной культуры и производства распространяются на территории, где оседает новое население. Припомним, однако, некоторые примеры, свидетельствующие о том, что из Средиземноморья на север проникали фе-

¹⁴ Не знаю, будет ли понятие «рациональные» в данном случае наиболее удачным. Хотя нам в настоящее время многие явления духовной культуры древнейших этнических групп кажутся нерациональными, встает вопрос: какими они казались тогдашнему обществу? В любом случае существование поверий, обрядов, магии — это прежде всего результат непознанного; ведь и сейчас недостаточно познанные области знаний порождают подобные поверья.

номены, которые не очень соответствуют местным условиям, но тем не менее бытуют там веками. Убедительным доказательством этого является, например, двухколесная тележка, отопление помещений каминами, плоская крыша в альпийских областях, форма которой прямо противоречит местным климатическим условиям и близко связана с формой крыш каменных домов Средиземноморья.

Обратим внимание и на другой подобный случай, когда на соседних территориях, в целом географически единых, живут рядом два этноса, пришедшие сюда по мере продвижения колонизации. Мы видим, что явления материальной культуры, особенно старые формы земледелия, земледельческой техники и технологии, могут здесь резко отличаться друг от друга, тогда как в области духовной культуры нередко наблюдаются явные совпадения, существующие, несмотря на языковые различия. Этот вопрос я изучал в чешских землях, особенно в западной и южной Чехии, а также в других районах Центральной Европы. Однако характерно, что эти различия в материальной культуре обыкновенно бывают связаны со сравнительно низким уровнем производительных сил, и, наоборот, там, где их уровень более высок (в нашем случае на севере Чехии), происходят не только экономические изменения, но и взаимное проникновение целого ряда явлений как материальной, так и духовной сфер человеческой культуры.

Я полагаю, что в данном случае здесь наблюдается не простая корреляция, а определенная закономерность. Во всяком случае можно констатировать, что этническая специфика, этнические традиции в узком или широком смысле слова связаны с развитием социально-экономических условий. Под их влиянием меняется структура этих традиций, они становятся менее существенными по сравнению с культурными традициями в том понимании, в каком их излагают авторы вступительной статьи. Конкретное изучение этого вопроса внесло бы несомненно ценный вклад в развитие теоретической базы этнографии.

Следующая проблема, на которой нам хотелось бы остановиться, это мышление и его процессы. В принципе развитие логического мышления у всех этносов одинаковое. Представление о так называемом прелогическом мышлении, искусственно сконструированное Л. Леви-Брюлем, от которого автор к концу жизни сам фактически отказался, оказалось несостоятельным. Человеческое общество всегда имеет рациональное и логическое отношение к действительности. И развитие мышления происходит в процессе производства и разделения труда. Даже так называемые нерациональные элементы мышления определяются главным образом одной из категорий мышления логического — аналогией. Насколько она может быть ошибочной, зависит от степени эмпирического познания. Однако почему в тех областях, где мы ожидали бы единства, например в цифровых системах, в разных этносах и общностях существуют различия? Можно ли объяснить этот факт только «рациональными» причинами, или в данном случае мы будем оперировать такими понятиями, как *genius loci*, *genius populi* и т. д.? Но в любом случае каждое упрощение проблемы могло бы привести нас к подобным аналогиям и обобщениям, которые становятся еще хуже от того, что их выдают за научные.

Я полагаю, что в этнографии мы уже привыкли иногда к слишком простым обобщениям, что этнографическая работа часто состоит из подробных, но в основном описательных работ, лишенных теоретического подхода к вопросу. И в то же время встречаются работы, поражающие обобщениями, которые при проверке не отвечают конкретной действительности. Многие исследователи не видят диалектических противоречий, присущих каждому культурному феномену, не видят эти феномены в общественно-экономических и исторических взаимосвязях, в сочетании с развитием остальных составных частей культуры того или иного

общества, того или иного этноса, того или иного класса или прослойки. Подобным же образом обстоит дело и с изучением явлений, связанных с земледельческим производством. Это изучение необходимо сопоставлять с явлениями, характеризующими пищу, характер поселений, жилых и хозяйственных построек, с орудиями производства вообще, а также с общественными явлениями и явлениями духовной культуры. Каждое явление, связанное с земледельческим производством, выражает не только рациональное отношение производственной деятельности человека и общества к окружающей природе и к развитию социально-экономических условий, но в то же время становится традицией определенного общества или класса. Технологический и технический опыт передаются из поколения в поколение, сохраняясь и тогда, когда экономическое развитие вступает в противоречие с ним. Если бы этого не было, не было бы столкновения взглядов отдельных поколений, не опасались бы полезных инноваций (на пути их внедрения возникало немало препятствий, обусловленных экономическим положением трудящихся, тем, что эти инновации служили прежде всего правящим классам, латифундистам), не существовало бы опасности, что каждая неудача, вызванная, например, неблагоприятными климатическими условиями, будет приписана новому изобретению.

Последний из названных факторов, изменчивость погоды и негарантированный успех земледельческого труда, оказывал в прошлом большое давление на развитие аграрной техники и технологии, на мышление крестьян и на многие другие составные части культуры. Поэтому весь годовой цикл земледельческих работ сопровождался целым рядом поверий и обрядов, проникавших и в общественную и в семейную жизнь крестьян. Данные явления как будто бы и не соприкасаются с производственной сферой, но на самом деле очень тесно связаны с ней. Более того, в значительной степени они являются ее составной частью. Насколько эти области тесно взаимосвязаны, мы видим из того, что некоторые старые виды, типы или формы орудий становятся составной частью культа определенного этноса или религии, что об изобретениях пахотного орудия и о первом пахаре в некоторых этносах и общностях сложились легенды и т. д. Эти мифы, поверья и обряды с течением времени утратили свое значение. Однако негарантированные результаты труда по возделыванию какой-либо культуры и опасение нарушить традицию были факторами, которые их сохраняли, хотя определенные обряды позднее совершались механически. Не вдаваясь, однако, в подробности, можно констатировать, что элементы духовной культуры, которые мы можем назвать рациональными, играли в истории земледелия далеко не случайную роль и находились в диалектическом единстве с эмпирическим опытом. Но рассматривать их как этническую традицию так же трудно, как считать их традициями техническими и технологическими. Только подробный сравнительный анализ может помочь нам в решении этого вопроса.

Однако речь здесь идет не о каком-либо сравнении, критерии для сравнения, просто сравнительном методе, а об историко-сравнительном методе, позволяющем сравнивать явления в их широких исторических взаимосвязях, в духе принципов диалектического и исторического материализма. Я полагаю, что настало время высказаться по данному вопросу применительно ко всем областям этнографии и фольклористики, так как речь идет о проблеме, имеющей огромное значение для истории культуры. Мы знаем, что сравнительный метод, особенно в фольклористике, был подвергнут резкой, в одних случаях обоснованной, в других — необоснованной критике. Но речь идет не о критике, а о том, чтобы поднять его на более высокую ступень, чтобы он стал историко-сравнительным методом в полном смысле этого слова. В области агроэтнографии эта теоретическая проблема имеет особенно большое значение, так как

сельскохозяйственное производство вплоть до наступления эпохи капитализма оказывало влияние на характер народной культуры в целом. Как показали на примерах авторы вступительной статьи и некоторые участники дискуссии, сходные системы земледелия приводили к сходным явлениям и в других областях культуры. Используя историко-сравнительный метод, нужно в конкретных случаях решать также вопросы моногенеза и полигенеза, рассматриваемые в этнографии и фольклористике нередко односторонне, иногда даже априорно, причем не только с чисто теоретических, но порой и с националистических позиций. В качестве примера можно взять проблему возникновения грядильного плуга, при решении которой был особенно заметен априорно-моногогенетический подход.

Бесспорная заслуга авторов вступительной статьи, затронувших сложные проблемы, заключается в том, что они критически подошли прежде всего к тем теориям, в которых чувствовалось стремление априорно доказать этническую или племенную принадлежность отдельных видов, типов, форм или вариантов пахотных орудий. При этом необходимо констатировать, что такие теории развивались не только в старых трудах, отличавшихся националистической окраской, но и в трудах некоторых исследователей, объявляющих себя марксистами, полагающих, что особая форма пахотного орудия является одним из проявлений национальной или племенной культуры. Такая априорная, в большинстве случаев тенденциозная, точка зрения не приносит пользы этнографии как науке, хотя в обязанности этнографов входит и всегда будет входить изучение отношений между формой определенного явления и этносом. Ведь именно в этом и заключается *raison d'être* этнографических исследований.

Даже тогда, когда в определенных соприкасающихся ареалах мы встречаемся с двумя различными принципами, характеризующими разные этносы, не обязательно будут развиваться две различные этнические традиции, исключительно этническая специфика. Я могу подтвердить это на примере изучения способов упряжки. На территории чешских земель — в западных и южных районах — встречалось в прошлом ярмо рамной конструкции, использовавшееся местным населением для запряжки крупного рогатого скота, и налобное ярмо (укрепленное на рогах), в которое впрягали волов немцы. На первый взгляд может показаться, что речь идет о двух различных этнических традициях. Однако при более подробном изучении вопроса можно обнаружить, что ярмо рамной конструкции встречается в упряжке крупного рогатого скота и у других славянских народов, а также по всей Восточной Европе и в Азии, тогда как принцип крепления ярма на рогах был распространен в зоне, идущей от альпийских стран до Португалии. Спорадически он характерен и для некоторых других районов Европы. Таким образом, можно сказать, что в районе пограничного чешско-южнонемецкого ареала два различных принципа обрели этнический характер, но едва ли можно принцип запряжки в рамное ярмо объявить специфической чертой только чешской культуры, исключительно этнической традицией. Это было бы ненаучное понимание вопроса, вытекающее из ограниченного, узко местного взгляда на проблему. В то же время мы допустили бы ошибку, если бы стали утверждать, что вышеуказанные принципы упряжки не имели своей специфики у отдельных этносов, соседствовавших в прошлом. Существуют еще и другие вопросы. С чем, например, связаны эти два различных принципа? Чем можно объяснить существующее различие? Следует ли исходить из географических и социально-экономических условий, из факта использования в земледелии различных пород крупного рогатого скота или из типа запряжки коней? В некоторых случаях на эти вопросы хотя бы частично или с большей или меньшей степенью

вероятности, можно ответить, как сделал это, например, В. Якобейт¹², в частности если исследуется ограниченный ареал. Но известны случаи, особенно в пограничных районах, когда крестьяне отдавали предпочтение то одному, то другому способу упряжки, и их объяснения диаметрально отличались одно от другого. Я не собираюсь сопоставлять различные способы упряжки с отличиями в устройстве пахотных орудий, а хочу лишь показать, что проблематика традиции может быть весьма сложной и иногда очень трудно, чтобы не сказать невозможно, объяснить причину бытования той или иной местной традиции.

Дискуссия о проблемах агроэтнографии, материалы которой были опубликованы в журнале «Советская этнография», вызвала и продолжает вызывать целый ряд теоретических вопросов, выходящих за рамки этнографических исследований в области земледельческого производства. Она показала, что многие понятия и выводы, которые мы нередко считаем однозначными и которые стали чуть ли не аксиомами, намного сложнее, чем мы их себе представляли или представляем. Дискуссия говорит о том, что нужно провести еще множество исследований и решить немало сложных теоретических проблем, чтобы ближе подойти к истине. Хотелось бы пожелать, чтобы подобных дискуссий было как можно больше, чтобы они давали новые импульсы к работе и были столь же полезны. Обмен мнениями, цель которого заключается в открытии непознанного, в поисках ответа на малоизученные вопросы развития человеческой культуры, не только нужен, но крайне необходим для дальнейшего развития науки.

В то же время оказалось, что значение агроэтнографических исследований возрастает при сотрудничестве со смежными науками, хотя, с точки зрения методики, этнография сохраняет свое специфическое положение. Систематические каталоги в музеях и полевые записи, анкеты, картографическое изображение явлений, которые сейчас еще можно обнаружить или которые сохранились в традиции,— все это является основой исследований, опирающихся на прочную теоретическую базу — диалектический и исторический материализм.

A FEW REMARKS TOWARDS THE DISCUSSION ON AGROETHNOGRAPHY

The discussion on agroethnography on the pages of the leading journal of Soviet ethnographers has shown the necessity of solving a number of theoretical problems extending beyond the bounds of ethnographic studies in the field of agriculture. The first of such problems is that of the interaction of cultural and ethnic traditions, their definition and specificity.

The author stresses the complexity of the problem and shows, by examples taken from the sphere of European agroethnography, that there is no contradiction between the social-economic and the ethnological aspects of its study, since these aspects are constantly overlapping.

¹² W. Jacobeit, Jochgeschirr- und Spanntiergrenze, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1957, № 3, S. 119—144.